

Тэрміны-словазлучэнні з пяці і больш кампанентаў у аўтамабілебудаванні тэрміналогіі непрадуктыўныя. Яны з'яўляюцца складанымі найменнямі, утворанымі на базе двух- або трохчленных словазлучэнняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Антанюк, Л. А. Спецыяльная лексіка беларускай мовы. Тэрміналогія: вуч. дап. / Л. А. Антанюк. – Мінск: Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце РБ, 2005. – 99 с.
2. Булыко, А. Н. Современный русско-белорусский политехнический словарь / А. Н. Булыко. – Мінск: «Харвест», 2007. – 432 с.
3. Мінакова, Л. М. Беларуская навукова-тэхнічная тэрміналогія: фарміраванне, функцыянаванне, развіццё: манаграфія / Л. М. Мінакова, С. М. Аніськова, А. А. Станкевіч. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2005. – 146 с.

УДК 811.161.1-31

Прецедентные имена и антропонимные коды художественного текста (на материале романа Т. Толстой «Кысь»)

Смирнова Ю. А., старший преподаватель
Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь

Аннотация:

Рассматривается понятие прецедентности в художественных текстах писателей-постмодернистов (Т. Толстая «Кысь»), создание которых основано на интенсивном использовании аллюзий, прецедентных имен, различных антропонимных кодов. Выявляется тесная связь прецедентности с понятием интертекстуальности.

Термин «интертекстуальность», введенный в свое время Ю. Кристевой, сегодня является одной из самых фундаментальных категорий любого текста, и в частности – художественного. Именно интертекстуальность позволяет формировать глубинные смыслы, которые заложены автором в его творческой концепции, и расши-

рять информационный потенциал всего художественного текста в целом. Из всех возможных форм проявления интертекстуальности в отдельную группу исследователями выделяются прецедентные имена (далее – ПИ), как языковые элементы, которые содержат в себе значительный объем культурной информации, которую должен расшифровать современный образованный читатель [1].

В романе Т. Толстой «Кысь» корпус ПИ в большинстве своем представлен такими именами собственными, как антропонимы и топонимы, использование которых было необходимо для выражения глубинной авторской концепции.

Использованные автором определенные тематические группы ПИ также выполняют в романе «Кысь» различные функции. В частности, они лежат в основе формирования особых лингвокультурных кодов, связанных с общим смыслом всего художественного текста. Т. Толстая активно использует «культурогенные» возможности имени собственного как сложного языкового знака, вступая в диалог, как с мировой литературой, так и со всем культурно-историческим наследием человечества [2].

Кроме того, аллюзивно-прецедентные имена (антропонимные коды) становятся в тексте той доминантой, которая, как писал А. И. Новиков, «стягивает вокруг себя содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство». Функционируя в тексте, антропонимные коды как бы образуют его «вертикальный срез» или глубинную структуру, информацию которой можно отнести к имплицитной. Особое семантико-культурологическое своеобразие имен собственных выступает в роли того фактора, который сводит воедино все составляющие художественного текста и позволяет автору с наибольшей силой и глубиной реализовать все свои идеи.

Так, для формирования необходимых ассоциаций, идей, смыслов, а в целом – художественной логики своего романа, Т. Толстая прибегает к актуализации любого, даже самого неожиданного набора культурных кодов. И результатом такого соединения «высокого» и «низкого» является столь частый контраст (порой достаточно резкий. – Ю. А.) с претекстом в постмодернистских текстах.

Примером может служить комплексная формула именованного главного героя, которая выступает экспликацией тех культурно-исторических ассоциаций, которые «спрятаны» (и порой очень глубоко), в смысловом пространстве романа Т. Толстой с помощью

аллюзий. Так, например, имя собственное *Матвей* наряду с другими личными именами в аллюзивной функции, входящими в комплексную формулу именованя главного героя, служит созданию «вертикального контекста» романа Т. Толстой.

Именно Св. Матфею принадлежит **первое** из четырех канонических Евангелий (= **первая Книга**, где записано было Слово божие = сокровенное знание), в силу чего он является *посланником, носителем Божественного Слова*. В этом сакральном имени, равно как и в имени Бенедикт, а также Христофор, заключен, на наш взгляд, доминирующий подтекст всего рассматриваемого произведения. Данные ИС в аллюзивном употреблении оказываются взаимосвязаны между собой (как по оси вертикали, так и по оси горизонтали) через *метафорический архетип Книги*: Книга – это и Вселенная (весь Мир), и Слово, и Жизнь. И если с аллюзивным именем *Бенедикт* в смысловом объеме романа связана идея «Слова» как *первозлемента знания*», а также идея понимания *мира как книги, мира как текста*, то с именем *Матфей (Матвей)* в аллюзивном употреблении отождествляется, прежде всего, идея «Слова божия»: Матфей нес слово Господне, т. е. благовествовал (ср. Бенедикт Карпов, который насильственно отнимал книги, т. е. Слово). Роль, подобную роли св. апостола Матфея, выполнял и *св. Христофор*, который нес веру в Христа по миру своими проповедями – нес Христа в себе.

Кроме того, через образ апостола и евангелиста Матфея и неразрывно связанную с ним идею «Слова божия», а также метафорический архетип Книги устанавливается имплицитная интертекстуальная связь романов Т. Толстой «Кысь» и У. Эко «Имя розы». И если аллюзивное имя собственное Бенедикт дает толчок к выявлению и развертыванию образных мотивов *мир – книга, мир – текст*, выступает в качестве первичного сигнала интертекстуальности, как в целом в романе, так и в рассматриваемой формульной конструкции именованя, благодаря занимаемой сильной позиции – начало текста и начало комплексной формулы именованя (с дешифровки историко-культурной информации, закодированной в этом имени, начинается возникновение глубинных смыслов произведения); то имя собственное Матфей в аллюзивном употреблении фокусирует в себе все эти символические образы, образные мотивы, становится своего рода их «смысловым конденсатором», а по сути своей – первоначальным источником их возникновения.

Именно использование огромного пласта аллюзивно-прецедентных имен, на наш взгляд, позволило Т. Толстой в своем романе «Кысь» сформировать свое собственное концептуальное пространство, эксплицирующее ироническое звучание всего произведения в целом.

Список использованных источников

1. Кудряшова, Ф. С. Прецедентное имя как проявление интертекстуальности в художественном тексте (на материале романа А. Макина «Французское завещание») / Ф. С. Кудряшова // Вестн. Башкир. ун-та. – 2016. – Т. 3, № 21. – С. 693–694.

2. Гурская Ю. А., Смирнова Ю. А. К вопросу об интертекстуальности имени собственного в художественном тексте // Карповские научные чтения : сб. науч. ст. Вып. 6 : в 2 ч., ч. 1 / [редкол. : А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Белорусский Дом печати, 2012. – С. 84–87.